

ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ

ГИПНОЗ КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР ИЗМЕНЕННЫХ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ ЧЕЛОВЕКА

© 2004 г. Л. П. Гримак

Доктор мед. наук, профессор, психотерапевт, Москва

Рассматривается не ординарный гипноз, повседневно используемый во врачебной лечебно-коррекционной практике, а гипноз как явление трансового характера, действенные фрагменты которого оказались эволюционно вмонтированными в различного рода психические состояния человека (“сумеречное сознание” – С. Московичи; “архаическое наследие” – З. Фрейд и др.) и придают им несомненную адаптационную модальность.

Такого рода состояния оказались генетически связанными с некоторыми видами поведенческих реакций и психической деятельности, в частности, с явлениями группового сплочения, обучения, интенсификации инстинктивных действий, работоспособности и творчества. Большинство указанных состояний и действий вошло органической частью в способ жизнедеятельности человека, именуемый культурой.

Ключевые слова: гипноз, системообразующий фактор, состояния, гипнотическая стимуляция, поведение, творчество.

Изучение гипноза является... изучением не какого-то исключительного феномена, а механизма, играющего центральную роль в психической жизни человека.

Л. Шерток

В течение более чем двух веков, после того как Месмер ввел гипнотическое внушение в сферу научного эксперимента, этот феномен непрерывно будоражит философскую мысль исследователей самых различных направлений. И это не удивительно, ибо гипносуггестия связана одновременно и с воздействием одной личности на другую, обретая статус социального явления, и с отношением между психическим и соматическим внутри отдельного индивидуума, представляя собой психофизиологическую реальность.

Именно поэтому среди исследователей, разрабатывающих фундаментальные вопросы гипноза, уже неоднократно высказывались суждения о том, что гипноз не является лишь онтологической единицей в ряду особых состояний психики – его важнейшая функциональная роль эволюционно обусловлена и косвенным образом сопряжена со многими сторонами жизнедеятельности человека.

В частности, в гипнологии существует воззрение, что особая роль гипноза в своеобразной модуляции психических состояний человека проявилась в тот период, когда *Homo sapiens* из существа популяционного превращался в существо социальное.

Известно, что инстинкт, собирающий животных вместе и заставляющий их держаться группами, обладает огромной силой. Притягивающее действие, которое оказывает стая на отдельные особи и их небольшие группы, возрастает с размером стаи, причем, вероятно, в геометрической прогрессии [4, с. 157].

Для человеческих популяций, руководствующихся стадными инстинктами, была характерна “весьма примитивная душевная деятельность”, проявляющаяся в том, что: “воля отдельного индивидуума была слишком слаба, он не отваживался на действия. Никакие другие импульсы, кроме коллективных, не осуществлялись, была только общая воля, не было воли отдельной... Психология массы является древнейшей психологией человечества” [11, с. 299, 300].

Вместе с тем этологи отмечают, что стадные связи животного мира имеют совершенно иной характер, нежели человеческая дружба – личная психическая привязанность, придающая особую прочность и устойчивость более поздним социальным формированиям.

Дело в том, что весьма консервативный и жесткий механизм стадного инстинкта оказался недостаточно эффективным в значительно усложнившихся условиях жизнедеятельности человеческих

популяций. Высокий динамизм межиндивидуальных и групповых отношений прогрессирующего в своем развитии *Homo sapiens* требовал уже не ригидных генетически наследуемых, а подвижных, психически активируемых в необходимых ситуациях механизмов группового сплочения.

Уместно заметить, что психологическая сила, заставляющая живые существа держаться вместе, является выражением фундаментального закона жизни, который Тейяр де Шарден выразил следующими словами: “Возрастание сознания – действие к единению”, а еще более кратко: “Творить – значит соединять” [10, с. 193].

Основой для группового соединения и сплочения человеческих особей эволюции было угодно избрать психический феномен в виде “массового гипноза”, который стал со временем системообразующим фактором для ряда психических состояний человека, призванных сопутствовать важнейшим видам его жизнедеятельности.

Известно, что формирование функциональных систем поведенческого уровня начинается с появлением определенной потребности организма и завершается достижением соответствующего полезного результата действия – удовлетворения актуализированной потребности. Именно положительный результат действия, сигнализирующий об удовлетворении актуальной потребности организма, становится системоорганизующим и системооблигующим фактором [3, с. 42].

В данном случае речь идет о гипнозе, механизмы которого легли в основу поведенческих реакций, осуществляющих стадное соединение особей в условиях часто меняющейся внешней среды и нестабильных групповых взаимоотношений.

Следует отметить, что некоторые авторы не считают гипноз прерогативой психической деятельности человека, а находят его начальные формы и в поведении животных. Так, в частности, этолог Альберт Демаре полагает, что имеется прямое соответствие между реакциями запечатления и привязанности у животных и гипнотическими феноменами у человека [18].

Филогенетическую природу гипноза признавал и З. Фрейд, утверждая, что “гипнотизер пробуждает в субъекте часть его архаического наследия” [11, с. 304]. Значительно позже биологические корни гипноза обсуждал и Л. Шерток [16, с. 237].

Исследованием роли и значения внушения и контрвнушения в общественной жизни раннего человека занимался отечественный социолог и историк Б.Ф. Поршнев (1905–1972). Категория суггестии, как убедительно представлено в публикациях ученого, действительно помогала формировать отдельные первобытные сообщества и, кроме того, повышала надежность различного рода обучающих приемов.

Действие механизмов внушения связывается с коммуникационными особенностями речи на стадии социализации *Homo sapiens*, в то же время действие контрсуггестии автор относит к более поздним уровням человеческого самосознания. В целом же категориям суггестии и контрсуггестии исследователь отводил роль основополагающих психологических механизмов в культурно-исторических процессах [6, 7].

Впервые доказательно аргументировал весьма важную роль первичного массового гипноза в разностороннем эволюционном развитии раннего человека американский этнограф Джон Пфайфер. Называя гипноз “сумеречным состоянием мышления”, автор полагает, что “сама наша чувствительность к этому состоянию говорит о его эволюционной важности. В случаях крайних оно приводит к патологии, психическим расстройствам и маниям, стойким галлюцинациям и фанатизму. Но оно же является побудительной силой за всеми усилиями видеть вещи цельно, достигать всяческого многообразия видов синтеза – от единой теории поля в физике до утопических проектов, согласно которым люди будут мирно жить вместе”. В доисторические времена, по мысли автора, сумеречное состояние, вероятно, было чрезвычайно важно. Если давление затруднительных обстоятельств верхнего палеолита требовало пылкой веры и следования за вождями ради выживания, то индивиды, наделенные подобными качествами, которые могли легко впадать в транс, способствовали бы размножению более стойких индивидов [19].

Таким образом, **одна** и чрезвычайно важная **сторона** системообразующей функции первичного гипноза проявилась в том, что он непосредственно **способствовал сплочению отдельных особей в функциональные множества**, но уже не на основе группового инстинкта, а в связи с осознанием текущих интересов и потребностей того объединения, к которому он в данный момент принадлежит.

Другая важнейшая особенность гипноза состояла в том, что в сочетании с внушением он нес в себе большие возможности для повышения функциональной пластичности тех состояний, с которыми он действительно интегрировался. Стоит лишь вспомнить об эмоциональной мощи состояний, сопутствующих борьбе, любви, творчеству, чтобы убедиться в том, что их действенность сродни “фатальной”, гипнотической.

Именно поэтому постоянное пребывание раннего человека в “сумеречном состоянии сознания” (гипнотическом трансе) повышало его внушаемость и делало идеально управляемым субъектом со стороны вождя.

Свойство суггестивности обуславливало и **второй** исключительно важный аспект системо-

образующей функции первичного гипноза, в котором пребывал ранний человек, – *обеспечивало ему высокую способность к преемственности – эффективному обучению* [2, с. 110]. При этом произошла активизация не только тех механизмов обучения, которые у животных представлены инстинктом подражания.

Связанная с гипнотическим трансом высокая внушаемость стала основой нового вида обучения, использующего условное, символическое обозначение предметов и явлений окружающего мира. Принципиально важная роль внушения в формировании социализирующегося облика *Ното сарпиенс* состояла в том, что парадоксальные фазы гипноза позволяли неким актуализируемым условным знакам (сигналам) быть сильнее реальных воздействий, воспринимаемых организмом из внешней среды.

Первые шаги человечества в этом направлении хорошо проследил в своей работе российский философ В.М. Розин [8]. Автор полагает, что формированию социального облика человека и его выживанию на ранних этапах филогенеза в решающей степени способствовало освоение так называемого “парадоксального типа поведения”. В данном случае имеется в виду появление систематических отклонений в проявлении стереотипных защитных реакций.

Обычно нападение любого хищника на жертву доводится до своего печального конца в тех случаях, когда жертва стремится спастись бегством. Однако, как известно, природа оставила слабому существу некоторый шанс, нередко укрывая хищника видом обездвиженной жертвы. Парадоксальное поведение, по автору, проявлялось в опасных ситуациях, когда вместо шумного бегства от потенциального врага, стадо повиновалось сигналу вожака “все спокойно”, оставалось обездвиженным на месте и тем самым дезактивировало возможную агрессию. Данная ситуация действительно содержит в себе противоречивые моменты: беззащитные особи видят реальную опасность и в то же время вынуждены следовать сигналу вожака, сообщающему, что опасности нет.

При столь парадоксальном поведении складывается странная ситуация: сигнал реальной опасности существует, но он деактуализируется, сигнал же вожака превращается в условный знак, показывающий, что опасности нет. Необходимой особенностью такого сигнала, как видно, должна быть достаточно сильная его действенность, которая может быть противопоставлена наличию реальной угрозы. Это же условие, как известно, бывает свойственно именно гипнотическим (внушенным) состояниям. Следовательно, наличие трансовых состояний у данных особей приводит к тому, что их нервная система начинает реагиро-

вать на внешние воздействия парадоксальным образом, в результате чего действенность слабого искусственного знака-сигнала начинает превалировать над сильнейшим реальным раздражителем.

В условиях своеобразного “подкрепления” психических состояний адаптационными возможностями гипноза начал складываться новый тип поведения человека, детерминируемый знаковыми средствами и осуществляющийся в известной мере в отрыве от реальностей окружающей обстановки. “Нужно заметить, – пишет по этому поводу В.М. Розин, – что необходимым условием формирования знака, коммуникации и нового поведения является своеобразное помешательство животного: находясь в одной ситуации (опасность) оно действует, как будто находится в другой ситуации (отсутствие опасности), причем, эта вторая *несуществующая реально ситуация* (выделено нами – Л.Г.) начинает существовать для психики, задается знаком, удерживается волей и фигурой вожака, который этот знак произвел”. И далее: “Сигналы становятся знаками, в частности, тогда, когда подобное временное помешательство превращается в норму: дальше на основе подобной трансформации начинает складываться воображение” [там же, с. 106].

Любой гипнолог, сведущий в теоретических вопросах суггестологии, безошибочно распознает в описанном здесь “временном помешательстве” животного типичный гипнотический транс, в котором оно перестает реагировать на реальные стимулы и его поведение полностью детерминируется сигналами-знаками вожака.

Интересно, что аналогичное парадоксальное поведение систематически возникало и в процессе совместных активных действий с естественными орудиями (камнями, палками, костями животных и т.д.). Можно предположить, что сигналы активизировали подобные действия, непроизвольно усиливали трансовые компоненты состояний и, накапливаясь в долговременной памяти, образовали знаковую систему, способствующую развитию первобытной культуры и начальных форм социальных установлений.

В конце концов этот процесс получил логическое завершение: парадоксальное поведение человека становится основным (нормальным), в значительной степени вытеснив старые формы сигнального поведения, распространенные в животном мире.

Важнейший момент в формировании человеческого образа действий, детерминируемого знаковыми системами, – фактор обучения. Именуя обучение “преемственностью”, видный отечественный невролог С.Н. Давыденков недвусмысленно признавал его важнейшим условием последующей эволюции человека. “Вся культура чело-

века, – утверждал он, – его способы охоты, его приемы откалывания кремня, его овладение огнем и пещерами, а позже – постройка жилищ, его семейные и социальные отношения, переходившие ко все более сложным формам, и, наконец, его речь, а позже – письменность, – все это целиком и без остатка укладывается в завоевание преэмптентности и остается этим до сегодняшнего дня” [2, с. 110].

К сказанному следует лишь добавить, что эволюция сформировала и постепенно усовершенствовала врожденную способность человека к обучению. Естественный отбор создал саму возможность непрерывной прогрессивной выучки последующих поколений и обеспечивающую этот процесс высокую функциональную пластичность человеческого мозга, тогда как у животных она осталась лишь на уровне, соответствующем их образу жизни.

Достаточно пространная характеристика важности фактора обучения в эволюционном развитии человека представлена здесь для того, чтобы показать, какую исключительно важную системообразующую роль оказывает гипноз в качестве средства стимуляции запоминания тех сведений, которые в жизни, в основном, добываются “разумением”.

Развивая эту же мысль, американские психологи С. Хеллер и Т.Л. Стил пишут: “Есть много исследователей гипноза, которые утверждают, что все обучение происходит в состоянии, очень напоминающем гипнотическое. Кто-то может даже сказать, что обучение и гипноз это всего лишь два разных слова, обозначающих одно и то же” [12, с. 40]. А несколько ниже авторы высказываются на этот счет уже более однозначно: “Гипноз – это форма обучения... и всем видам поведения обучаются посредством своего рода гипнотических взаимодействий” [там же, с. 42–43].

Аргументируя свои положения, авторы ссылаются на общность системы психофизиологических механизмов, действующих как при обучении, так и при гипнозе. Среди этих механизмов называются следующие:

долговременное закрепление в памяти информационных материалов, объединенных ассоциативными связями;

возможность внушения не только особенностей поведения, но и верований, идей и фактических сведений;

реализация знаний, осуществляемая способом, аналогичным действию постгипнотических внушений.

К сказанному следует добавить, что при этом авторы отводят гипнозоподобным воздействиям в обучении лишь сугубо вспомогательную роль.

Вместе с тем совершенствование адаптационных возможностей раннего человека не ограничилось вышеуказанными направлениями жизнедеятельности. Эволюция не преминула прибегнуть и еще к одной – **третьей** – системообразующей возможности первичного гипноза. При этом она использовала гипнотический компонент в качестве **своеобразного усилителя деятельности**, соединяющего в себе высший эмоциональный потенциал особи и гипнотическую неуклонность действия стимуляции. Такого рода активность может быть названа “форсажным” состоянием, поскольку призвана обеспечивать преодоление особо трудных жизненных ситуаций.

Эффект усиления деятельности, протекающей в состояниях с подобным трансовым компонентом вызывается тем обстоятельством, что образующие при этом в коре мозга рабочие очаги возбуждения испытывают меньше конкурентных противодействий, чем это бывает в бодрствующем состоянии, и потому приобретают характер безусловных доминант.

Следует отметить, что вышеуказанное “форсажное” состояние может сопровождать самые различные аспекты человеческого поведения, однако эволюционно наиболее ранней сферой его приложения являются инстинктивные действия, в частности, так называемые большие инстинкты: агрессия и бегство, питание, размножение. Всемирно известный австрийский биолог и философ К. Лоренц именовал эти инстинкты “большой четверкой” и отводил им главную роль в регуляции поведения [4, с. 123].

Способность гипноза формировать специфические доминантные состояния, которые по своей содержательной характеристике могут существенно отличаться друг от друга, позволяет таким образом стимулировать качественно различные виды активности организма, иногда имеющие прямо противоположную направленность.

Наиболее естественно функциональный комплекс гипнотического усиления инстинктов “вмонтировался” в генетически обусловленные защитные действия – бегство и агрессию. Весьма близким к этим видам поведения нередко оказывается и инстинкт питания, так как он часто бывает связан с агрессией (охотой).

Но если в трех вышеуказанных случаях “форсажное” состояние воспринимается как вполне уместное и целесообразное, то приложение подобного функционального образования к половому инстинкту не кажется необходимым. И тем не менее эволюция создала и для этого вида сложного поведения особь – **четвертый** – системообразующий механизм гипноза, **интенсифицирующий взаимное влечение особей различного пола друг к другу** и при этом снижающий физическую ак-

тивность самки в период, предшествующий ее оплодотворению.

Впервые на это обстоятельство обратил внимание немецкий психолог П. Шильдер, заметив, что прошлое воздействует на нас более многообразно, чем мы об этом догадываемся: “Внушение и гипноз – явление широко распространенное уже в животном мире, – утверждал автор. – Гипноз, видимо, возник в качестве вспомогательной функции при спаривании и первоначально служил погружению самки в состояние летаргии” [15, с. 46].

Как видно, в данном случае продуктивная системообразующая роль гипноза проявилась уже в другом направлении: не в интенсификации функций организма, а, наоборот, в формировании состояния покорности самки. Надо отметить, что аналогичные формы пассивных трансовых реакций эволюция закрепила и за теми формами инстинктивной активности (в смысле пассивности), которые бывают призваны обеспечить максимальную полноту процессов ассимиляции (при пищевом насыщении, во время отдыха после сильной физической нагрузки и т.д.).

Что же касается наличия глубинных эволюционных связей гипноза с половым инстинктом, то они, действительно, существуют и порой весьма недвусмысленно проявляются в гипнотерапевтической практике. Как утверждает Л. Шерток, в течение ста лет до открытия Фрейдом либидного начала в гипнотических взаимодействиях, психотерапевтов уже преследовал осознанный или бессознательный страх перед возможными эротическими осложнениями, возникающими в ходе межличностной гипнотической связи [16, с. 164]. Недостаточная компетенция психотерапевтов в этом вопросе нередко создавала для них большие или меньшие профессиональные проблемы.

Хрестоматийным примером этого момента, удостоившегося многих медицинских публикаций, является случай из врачебной практики Йозефа Брейера, близкого друга Фрейда. В течение почти двух лет Брейер лечил Анну О., у которой в связи со смертью отца развились истерические реакции (параличи конечностей, контрактуры, расстройство зрения и речи) и раздвоение личности.

Кстати, именно в процессе этих сеансов Брейер открыл катартический метод лечения: больной избавляется от болезненных симптомов, если ему в гипнотическом состоянии удается вспомнить время и обстоятельства их зарождения.

Непомерно затянувшийся период лечения молодой и интересной особы вызвал у жены Брейера ревность, в связи с чем терапевт вынужден был прервать с ней отношения. Между тем у пациентки развилась столь сильная привязанность к врачу, что она не смогла перенести этого разрыва и

в тот самый день, когда узнала об этом, пережила сильнейший криз, символизировавший роды в конце мнимой беременности.

Брейер купировал приступ с помощью гипноза, однако этот инцидент глубоко потряс его и заставил соблюдать особую профессиональную бдительность в своей последующей врачебной практике. Истерией же после этого случая он не занимался вообще более десяти лет. Фрейд, узнав об этой истории с другом, прокомментировал ее довольно язвительно: “...чтобы такое случилось, нужно быть Брейером”. И, тем не менее, ровно через десять лет нечто подобное произошло и с Фрейдом. Этот эпизод он описывает так:

“Однажды мне довелось пережить опыт, который в самом ярком свете доказал мне то, что я давно уже подозревал. В тот день я проводил сеанс гипноза с одной из наиболее податливых моих пациенток, с которой мне блестяще удавалось связывать приступы боли с породившими их в прошлом причинами. Таким образом я снял очередной приступ и когда затем разбудил больную, она бросилась мне на шею. Неожиданный приход одной из служащих избавил меня от неприятного объяснения, но с этого дня мы, с обоюдного согласия, прекратили гипнотическое лечение. Я был достаточно хладнокровен, чтобы не отнестись этот инцидент на счет своей личной неотразимости, и мне казалось теперь, что я уловил природу мистического элемента, скрытого в гипнозе. Чтобы устранить или хотя бы избежать его, мне пришлось отказаться от гипноза” [16, с. 160–161].

“Мистическим элементом, скрытым в гипнозе” и в данном случае оказывалось то подсознательное начало, которое, как уже говорилось выше, было призвано эволюцией вызывать у самки состояние покорности во время спаривания. Осознание Фрейдом и его последователями этого обстоятельства в гипнологии проявилось двумя продуктивными моментами: один из них носил теоретический, другой – организационный характер.

Первый – чисто научный аспект нового понимания природы гипноза – проявился открытием, сделанным Фрейдом вскоре после случая с внезапными обмороками пациентки во время лечебного сеанса. Он пришел к выводу, что в подобных случаях суть явления кроется в своеобразной “ошибке влечения”. Этот феномен переноса чувств на личность гипнотизирующего, по сути дела постороннего человека, он назвал трансфером.

Применительно к своему случаю, Фрейд объяснял это так: “Желание, испытываемое пациенткой в данный момент, оказывалось связанным со мной в силу некоей неизбежной навязчивой ассоциации. В этом “мезальянсе”, который я называю ложным раппортом, возникающий аффект тождествен тому аффекту, который когда-то побу-

дил пациентку вытеснить запретное желание. С тех пор, как я это понял, всякий раз при подобной вовлеченности в отношения с пациенткой я могу предполагать существование трансфера и ложного раппорта" [там же, с. 163].

Проще говоря, понятие "трансфер" коренным образом меняет отношение гипнотерапевта к "сексуальным атакам" пациентки, поскольку каждый раз предупреждает, что его опять с кем-то спутали.

Достаточно прочное психофизиологическое сопряжение феноменологии первичного гипноза с чувственной сферой человека, именуемой любовью, проявляется не только вышеописанными психотерапевтическими неурядицами, но имеет и определенные преимущества: влечения, являющиеся результатом предосудительной или так называемой роковой любви, достаточно эффективно устраняются с помощью гипнотических воздействий.

Впервые упоминает о "возможности суггестивного воздействия на чувство влюбленности" А. Молль в своей книге "Гипнотизм" (1909).

Значительно позже К.И. Платонов показал, что в случаях неосуществимости влечения, нередко приобретающего характер устойчивой навязчивости, развивается заболевание в форме невроза. В основе таких "трудных состояний", как правило, лежат непреодолимые препятствия на пути осуществления чувственных влечений, к примеру: любовь к брату мужа или жене брата, страсть к аморальному человеку, развод с мужем, разрыв с любимым человеком, гомосексуальные проблемы и пр.

К.И. Платонов (1962) получил и систематизированный клинический материал на 52 больных (40 женщин и 12 мужчин), характеризующий эффективность гипносуггестивного вмешательства в сферу сексуальных страстей как специфических эмоциональных состояний. Характерно, что своеобразие терапевтических усилий в этих случаях проявлялось не стремлением купировать развившуюся невротическую симптоматику, а использованием непосредственного патогенетического подхода – устранением первопричины заболевания – неприемлемой сексуальной страсти. При этом во всех случаях, прежде всего, тускнеет, слабеет чувство влюбленности, затем развивается равнодушное отношение к субъекту бывшей страсти, а в дальнейшем наступает "полное освобождение от невообразимого кошмара". Такого рода чувственные "трансформации", по данным Платонова, наступают в среднем после восьми сеансов гипнотерапии и реализуются не только в случаях сравнительно недолгих "амурных отношений", но даже после длительных супружеских связей.

Как видно, непосредственная эволюционная обусловленность актов "полового спаривания" феноменологией первичного гипноза делает внушение эффективным патогномичным средством купирования психических проблем сексуального характера.

Переходя ко второму организационному выводу, установившемуся в гипнологии в связи с уяснением эволюционной близости гипноза и сферы половых инстинктов, следует отметить, что он начал формироваться уже в процессе становления этой науки. Речь идет об осознании необходимости установления организационных мер, которые бы способствовали устранению "зоны риска" при гипнотизировании лиц женского пола мужчинами.

Этот вопрос оставался актуальным для гипнотерапии во все времена, а в Советском Союзе в 1926 г. даже была введена инструкция Наркомздрава и Наркомюста, в которой содержалось положение о "желательности присутствия на сеансе гипноза третьего лица, предпочтительно врача". В 1957 г. эти рекомендации были устранены в связи с возросшим профессионализмом гипнотерапевтов.

В заключение данной работы рассмотрим еще одну – **пятую** разновидность системообразующего гипноза, действие которой направлено уже не на физическую мобилизацию организма, а на **предельную интенсификацию творческих, эвристических возможностей личности.**

Понятно, что природа, снабдив человека достаточно эффективной системой преодоления ситуативных физических трудностей, просто не могла не предусмотреть аналогичного механизма и для расширения возможностей психики решать трудные проблемные задачи. Несомненно, именно эти механизмы со временем развились в системы психического обеспечения различных видов творческой деятельности человека, в том числе избирательного поиска при решении сложных интеллектуальных задач.

Характерно, что уже на ранних этапах своего исторического развития человек начал различать особую специфику так называемых творческих состояний, выделять их из множества других видов рабочей активности.

Так, Платон, рассуждая о природе творчества, в ряде своих диалогов ("Ион", "Пир" и др.) приходит к выводу, что оно носит неосознанный характер, является результатом вдохновения и ничего общего не имеет с холодным рассудочным мышлением. Лучшие свои произведения, утверждал он, многие авторы создают в состоянии помутненного сознания, прострации, поэтому многие из них, как правило, не способны истолковать свои собственные творения. Такого рода случаи Платон объясняет тем обстоятельством, что божест-

во использует некоторых людей в качестве проводников для самовыражения [5].

В данном случае хотелось бы особо обратить внимание читателя на то обстоятельство, что термин “помутненное сознание”, используемый Платоном, очень близок выражениям “сумеречное состояние мышления” и “парадоксальное поведение”, употребляемым современными авторами для обозначения трансового состояния, в которое легко впадал “ранний человек”.

Методами формирования субгипнотических фаз психики человека в целях активизации его созидательных возможностей достаточно уверенно владели уже знатоки ранних форм манипулятивной магии. Исторические исследования античности свидетельствуют, что многие скульпторы и архитекторы древнего мира, так же как знаменитые каменотесы и строители, были приобщены к таинствам древних Мистерий, в которых широко применялись гипнотические воздействия.

Известно, например, что змеи были непременной атрибутикой оракула в Дельфах. Согласно сообщениям некоторых авторов, пророческий экстаз жрицы достигался тем, что она долго смотрела в глаза змеи. Возвужденная и загипнотизированная этим, она демонстрировала искусство говорить голосом Бога [13].

Свои особые методы вхождения в “божественное рабочее состояние” были у скульпторов и строителей, возводивших прекрасные храмы, не имевшие себе равных. Мысли о неизъяснимом мистическом характере искусства неоднократно высказывали и сами художники. Так, Гете считал, что творчество “сродни демоническому началу и завладевает человеком, делая с ним, что вздумается, он же бессознательно предается ему во власть, уверенный, что действует в согласии с собственным побуждением” [17]. И совсем близко к пониманию сущности творческого вдохновения в свое время подошла Марина Цветаева, назвав творящего поэта “спящим”, пребывающим “под чарой” [14].

Вполне естественно было бы считать, что сами художники в силу высокоразвитого воображения определенную аналогию между творческим вдохновением и гипнозом, “чарой”, усматривают в чисто фигуральном, метафорическом плане и что теоретические позиции ученых в данном вопросе существенно иные.

Проблему творческих состояний с научных позиций глубоко и всесторонне исследовал американский психолог и педагог Гарольд Рагг. В своей книге “Воображение” [20] он обобщает работы не только европейских и американских ученых, изучавших творчество, но и индийских, китайских и японских мыслителей. Г. Рагг приводит аргументы в пользу существования подсознательного (“транслиминального”) ума и реализацию творче-

ского процесса связывает с проявлениями гипнотического состояния в прямом понимании этого термина (при этом автор ссылается на работы Вейценгоффера, Дарроу, Ревиза и других специалистов по гипнотизму). Формулируя в данной книге свою теорию творчества, автор выдвигает тринадцать требований, которым должна удовлетворять психологическая теория творчества.

Седьмой пункт этих требований гласит, что будущая теория должна учесть необходимость полного сосредоточения и исключения всех внутренних и внешних побочных раздражений. Это требование приводит к установлению тесной связи между гипнозом и творческим процессом.

В “теореме о двух путях познания явлений” автор уточняет эту свою мысль: два пути представляют собой а) внутреннюю идентификацию познающего субъекта с предметом изучения и б) внешне запланированное его наблюдение. Именно первый путь (путь восточных мудрецов) – важный и возможный – включает явления, представляющие собой сознательное или неосознанное применение гипноза, внушения и самовнушения, сосредоточения внимания и абсолютного игнорирования внешних раздражителей. “Таким образом, – полагает автор, – организм рассматривается активным и саморегулирующимся, а не реактивным автоматом, контролируемым внешним стимулом” [там же, с. 292].

Заключая обсуждение проблемы обусловленности созидательной деятельности человека феноменологией гипноза, нельзя не вспомнить и своего рода “запредельную” теорию творчества видного русского философа Б. П. Вышеславцева. В своем труде “Этика преображенного Эроса” (1931) автор приходит к выводу, что центральным моментом, который сближает гипноз и внушение с творческими процессами, служит факт порождения этих явлений в подсознании посредством важнейшего “рабочего инструмента” – образа. Искусство, считает философ, рождается (так же, как и живет) именно через внушение, проходящее через “цензуру” самовнушения. Внушения не бывает, если оно не санкционируется самовнушением. Именно это обстоятельство делает творца и его искусство свободными, а не жестко программируемыми извне. Таким образом, полагает автор, “мы получаем великое освобождение, расширение свободы до пределов ранее ей недоступных, расширение свободного творчества, перестающего теперь быть только стихийным, только “умоисступленным” или, вернее, не перестающего быть таковым, но и в стихийности своей принимающего форму, исходящую от свободы, свободно избранную” [1, с. 82–83]. В буквальном смысле творчество есть всегда результат внушения, так как актуализировавшиеся образы воздействуют на подсознание субъекта, вынаши-

ваются там и принуждают такого “носителя” определенным способом себя воплотить. В свою очередь, сами образы, считает философ, внушают творческой личности Богом.

Как свидетельствует вышесказанное, гений в качестве субъекта суггестии представляет собой особо внушаемую личность, но не по отношению к воздействиям, генерируемым толпой, а к влияниям, исходящим от Бога. Поскольку теоретические рассуждения этого плана представляются малопродуктивными, следует, по-видимому, обратиться внимание лишь на то, в какой степени практические результаты экспериментов по активизации творческих способностей личности согласуются с вышеприведенными высказываниями.

На сегодняшний день материалы такого рода экспериментов (В.Л. Райков, 1969, 1975) позволяют утверждать, что гипноз как некий аналог естественных “творческих состояний”, безусловно, представляет собой весьма перспективный способ формирования нетривиальных подходов в решении логических и эстетических задач. Однако это всего лишь инструмент, использование которого позволяет полнее и эффективнее *активизировать созидательные способности, которыми наделяет индивидуум природа*. История современной цивилизации знает гениальных гипнотизеров, но ей неизвестны случаи, когда бы с помощью гипноза был создан гениальный художник или математик.

Обобщение всех выше представленных материалов позволяет констатировать, что гипноз вместе с его кардинальным свойством – внушением – в процессе эволюции образовал в психике человека некий адаптационный эпифеномен, призванный способствовать ситуационной активизации приспособительных возможностей организма. Необходимость в такого рода психологическом механизме избирательной стимуляции определенных поведенческих реакций возникла в связи с тем, что биологические и коммуникационные условия эволюционирующего человека подвергались весьма частым и значительным изменениям, и медленно формирующиеся генетические системы адаптации не успевали создавать нервные структуры для соответствующих приспособительных действий.

Адаптационные свойства первичного (эволюционно сложившегося) гипноза проявились в том, что он способствовал функциональной консолидации следующих форм поведенческой активности “раннего человека”:

- сплочению отдельных особей в организованные множества, т.е., положил начало процессам социализации в человеческих популяциях;
- формированию функциональных предпосылок для эффективного обучения;

- созданию “психических усилителей” инстинктов, своего рода “форсажных состояний” для преодоления трудных ситуаций;

- обострению взаимного интереса у лиц противоположного пола с соответствующей активизацией систем продолжения рода;

- интенсификации творческих и эвристических возможностей личности (в виде запуска “форсажного механизма” поисковых способностей интеллектуального плана).

При внимательном рассмотрении указанных аспектов жизнедеятельности легко обнаруживается то обстоятельство, что именно перечисленные формы поведенческой активности определили основное направление последующего исторического развития человечества. Это значит, что гипноз оказался причастным не только к системной организации единичных форм адаптивных реакций, но и к их межсистемному объединению в одном из главнейших проявлений бытия человека – культуре. Значение этого факта невозможно переоценить, поскольку развитие культуры, по словам З. Фрейда, представляет собой “борьбу человечества за существование” [11, с. 489].

Системное проявление суггестии в психической жизни человека обратило на себя внимание и современных исследователей. Так, И.В. Смирнов и Е.Д. Безносюк [9] сформулировали концепцию о суггестивной парадигме как одной из основных формообразующих структур личности, повышающей ее адаптационные возможности. Данную парадигму, по мнению авторов, составляют десять различных суггестивных подходов к целенаправленной модификации внутренней картины мира личности. Важная деталь данной концепции, несомненно, проявляется в том, что среди десяти элементов, составляющих парадигму, рядом расположены “гипноз” и “обучение в состоянии бодрствования” [там же].

Несомненно, что особый статус гипноза, обеспечивающий адаптационные аспекты поведенческой активности человека, со временем определил и его роль ведущего коррекционного фактора при появлении у индивидуума каких-либо функциональных несоответствий требованиям физических или социальных условий жизнедеятельности.

В современной медицине гипнозу отводится ведущая роль в арсенале методов психотерапии. Так, внушение находит применение при различных заболеваниях нервной системы, в клинике психических расстройств, при болезнях внутренних органов, в акушерско-гинекологической практике, при хирургических вмешательствах и кожных заболеваниях.

За рамками лечебной медицины гипноз совсем неплохо зарекомендовал себя в качестве метода обучения в педагогике, средства целенаправлен-

ной перестройки межличностных отношений и меры укрепления ведущих инстинктов при их функциональном ослаблении. И, наконец, если не претендовать на непременно достижение гениальных результатов, то совсем неплохих итогов творчества можно достичь гипнотической стимуляцией созидательных возможностей личности.

Таким образом, реальные представления о разделяющей роли гипнотических процессов в организации особого вида жизнедеятельности людей, именуемого культурой, облегчают понимание своеобразия этого масштабного явления, призванного, в конечном счете, утверждать и обеспечивать разумные начала человеческого бытия. И надо полагать, что именно это обстоятельство имел в виду Л. Шерток, когда сформулировал свою мысль о том, что гипноз является одним из центральных механизмов психической деятельности человека – положение, которое было взято эпиграфом к данной работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вышеславцев Б.П.* Этика преображенного Эроса. М., 1994.
2. *Давыденков С.Н.* Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. Л., 1947.
3. *Зилов В.Г., Судаков К.В., Эпштейн О.И.* Элементы информационной биологии и медицины. М., 2000.
4. *Лоренц К.* Обратная сторона зеркала. М., 1998.
5. *Платон.* Сочинения в трех томах. М., 1968.
6. *Поршнев Б.Ф.* Контрсуггестия и история // История и психология. М., 1971.
7. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). 2-е изд. М., 1976.
8. *Розин В.М.* Природа сознания и проблема его изучения // Мир психологии. 1999. № 1. С. 104.
9. *Смирнов И.В., Безносюк Е.Д.* Перспективы решения проблем психоэкологии и психогигиены // Российский медицинский журнал. 1995. № 1. С. 30–35.
10. *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М., 1987. С. 193.
11. *Фрейд З.* Основной инстинкт. М., 1997.
12. *Хеллер С., Стил Т.Л.* Монстры и волшебные палочки. Киев, 1995.
13. *Холл М.П.* Энциклопедическое изложение масонской, герметической, кабалистической и розенкрейцеровской символической философии. Новосибирск, 1992. С. 210.
14. *Цветаева М.И.* Об искусстве. М., 1991. С. 81, 93.
15. *Шелер М.* Положение человека в космосе // Проблемы человека в западной философии. М. 1988.
16. *Шерток Л., Соссюр Р. де.* Рождение психоанализа. М., 1991.
17. *Эккерман И.П.* Разговоры с Гете. Ереван, 1988. С. 554.
18. *Demaret A.* Ethologie et psychiatrie. Bruxells, 1979.
19. *Pfeiffer J.E.* The Creative Explosion: An Inquiry into the Origins of Art and Religion. Ithaca. N.Y., 1982. P. 213.
20. *Rugg H.* Imagination. New-York London, 1963.

HYPNOSIS AS A SYSTEM-FORMATIVE FACTOR OF HUMAN MODIFIED MENTAL STATES

L. P. Grimak

Dr. sci. (medicine), professor, psychotherapist, Moscow

The hypnosis is studied as a trans phenomenon but not the ordinary one that is used in daily therapeutical and correctional practice. The active fragments of the named hypnosis used to be evolutionary installed into different mental states ("twilight consciousness" – S. Moscovici, "archaic heritage" – S. Freud) and assign them doubtless adaptive modality.

These states appeared to be genetically related with some kinds of behavioral reactions and mental activity, e.g. phenomena of group rallying, learning, intensification of instinctive activities, working capacity and creativity. The majority of these states and activities contributes organically into the human wheels of life that is called culture.

Key words: hypnosis, system-formative factor, states, hypnostimulation, behavior, creativity.